

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1841037-1060>

Исследовательская статья

Евгений Владимирович Суханов
кандидат исторических наук, научный сотрудник
Институт археологии РАН, Москва, Россия
sukhanov_ev@mail.ru

ФОРМЫ ГЛИНЯНЫХ СОСУДОВ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ АЛАН ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЬЯ

Аннотация. Аланы – один из этнических компонентов салтово-маяцкой археологической культуры. Древности, связанные с этим населением, расположены в бассейне Среднего Дона. Статья посвящена изучению культурных особенностей аланских групп, оставивших погребальные памятники данного региона, на примере керамики. Объектом изучения являются формы глиняных сосудов. Исследование выполнено по методике, разработанной в рамках историко-культурного подхода к изучению древней керамики, предложенного А.А. Бобринским. В статье рассмотрен количественный состав несмешанных традиций создания форм глиняной посуды на памятниках, ассоциированных с аланским компонентом салтово-маяцкой культуры. Проанализированы три наиболее многочисленных категории посуды: кувшины, кружки и горшки. В статье показано, что общины, оставившие катакомбные могильники восточных районов донской лесостепи, были в культурном отношении более неоднородными, нежели коллективы из западной части. В материалах Маяцкого комплекса, Ютановского и Подгоровского могильников представлены уникальные и по своей сути смешанные наборы морфологических традиций. На основании данных изучения керамики и их сравнения с погребальными традициями выдвинуто предположение, что Ютановский, Подгоровский, Маяцкий могильники – это кладбища общин, включавших переселенцев из западной части донской лесостепи, традиции которых смешались на новых местах проживания. В качестве наиболее вероятной причины переселения некоторой части аланского населения в восточные районы лесостепного Подонья может рассматриваться строительство серии каменных и кирпичных крепостей на Тихой Сосне, а также необходимость контроля этого участка славяно-хазарского пограничья. В соответствии с концепцией, предложенной Г.Е. Афанасьевым, эти крепости были построены в 30-40-е гг. IX в. В статье высказывается предположение, что именно эти события могут объяснить приток аланского населения в восточные районы лесостепного Подонья и формирование на новых местах проживания этих людей более неоднородных в культурном отношении коллективов, чем у «соседей» из западных районов донской лесостепи.

Ключевые слова: аланы; салтово-маяцкая культура; керамика; формы сосудов.

Для цитирования: Суханов Е.В. Формы глиняных сосудов как объект изучения культурной истории алан лесостепного Подонья // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18. № 4. С. 1037-1060. doi: 10.32653/CH1841037-1060

© Суханов Е.В., 2022

© Сефербеков М.Р., перевод, 2022

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2022

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1841037-1060>

Research paper

Evgeny V. Sukhanov,
Cand. Sci. (History), Researcher
Institute of Archeology, RAS, Moscow, Russia
sukhanov_ev@mail.ru

CLAY VESSELS' SHAPES AS AN OBJECT OF STUDY OF THE CULTURAL HISTORY OF ALANS OF THE FOREST-STEPPE DON REGION

Abstract. Alans are one of the ethnic components of the Saltovo-Mayatsk archaeological culture. Antiquities associated with this group are found in the Middle Don basin. The article studies the cultural characteristics of the Alanian groups that left behind the burial sites of this region, on the example of pottery. The object of study are the shapes of clay vessels. The study was carried out according to the methodology developed within the framework of the historical-and-cultural approach to the study of ancient pottery, proposed by A.A. Bobrinsky. The article considers the quantitative composition of unmixed traditions of shaping forms of pottery on sites associated with the Alan component of the Saltovo-Mayatsk culture. The three most numerous categories of ware are analyzed: jugs, mugs and pots. The communities that left behind the catacomb burial grounds of the eastern regions of the Don forest-steppe were culturally more heterogeneous than the communities from the western part. The materials of the Mayatsky complex, Yutanovsky and Podgorovsky burial grounds present unique and inherently mixed sets of morphological traditions. Based on the data of the study of ceramics and their comparison with burial traditions, we consider the Yutanovsky, Podgorovsky, Mayatsky burial grounds as cemeteries of communities that included settlers from the western part of the Don forest-steppe, whose traditions mixed up in new places of residence. The most probable reason for the resettlement of a certain part of the Alanian population to the eastern regions of the forest-steppe Don region can be considered the construction of a series of stone and brick fortresses on the Tikhaya Sosna River, as well as the need to control this section of the Slavic-Khazar frontier. In accordance with the concept, proposed by G.E. Afansiyev, these fortifications were built in the 30-40s of the 9th century. The author suggests that it is these events that can explain the influx of the Alanian population into the eastern regions of the forest-steppe Don region and the formation of more culturally heterogeneous groups in the new places of residence of these people than among the “neighbors” from the western regions of the Don forest-steppe.

Keywords: Alans; Saltovo-Mayatsk culture; pottery; vessel shapes.

For citation: Sukhanov E.V. Clay vessels' shapes as an object of study of the cultural history of Alans of the forest-steppe Don region. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2022. Vol. 18. N. 4. P. 1037-1060. doi: 10.32653/CH1841037-1060

© Sukhanov E.V., 2022
© Seferbekov M.R., translation, 2022
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2022

Введение

Бассейн Среднего Дона в финале I тыс. н.э. представлял собой северо-западную периферию Хазарского каганата и пограничную зону со славянским миром. Около середины VIII в. в этом регионе появляются новые группы населения, оставившие древности салтово-маяцкой археологической культуры. Одной из таких групп были аланы, переселившиеся в лесостепную часть Донецко-Донского междуречья с территории Северного Кавказа.

Наиболее отчетливо аланский компонент салтово-маяцкой культуры прослеживается по погребальным памятникам. Речь идёт о некрополях, на которых людей хоронили в Т-образных катакомбах. Аналогии таким сооружениям хорошо известны в эпоху Раннего Средневековья на Северном Кавказе. Единство генетических и антропологических черт этих людей, сходство хозяйственного уклада и традиций питания свидетельствуют о правомерности отнесения населения, оставившего катакомбные некрополи донецко-донского междуречья, к единому консолидированному этническому объединению [1, с. 73].

На современном этапе изучения салтово-маяцких древностей актуальна задача выяснения *локальных* культурных особенностей разных коллективов алан, проживавших во второй половине VIII – начале X вв. в бассейне Среднего Дона. Такая информация позволит сделать возможной дальнейшую разработку как минимум двух исследовательских направлений. Во-первых, это выявление на Северном Кавказе исходных районов проживания коллективов, оставивших разные катакомбные могильники салтово-маяцкой культуры, *накануне переселения* в Подонье. Во-вторых, это изучение культурных процессов, происходивших в донской лесостепи *после переселения* алан, и их соотнесение с событиями военно-политической истории Хазарского каганата.

В данной статье излагается опыт выявления культурных особенностей коллективов донских алан, оставивших разные погребальные памятники, на основании анализа одной из наиболее массовых категорий археологических источников из катакомбных могильников салтово-маяцкой культуры – керамики.

Объект исследования, методика, источники

Объектом рассмотрения в этой статье являются формы глиняных сосудов. Это связано с тем, что целые сосуды из погребальных памятников находятся в музейных хранениях и нарушение их целостности для полноценного технологического анализа невозможно.

Исследование опирается на результаты, полученные ранее автором этой статьи с помощью методики анализа форм сосудов с позиций историко-культурного подхода к изучению древней керамики [2]. Её основы были заложены создателем этого подхода – А.А. Бобринским [3; 4]. Историко-культурный подход базируется на синтезе данных этнографии, научного эксперимента и, собственно, археологии.

Рассмотрим основные теоретические и методические положения, на которые опирается применяемая методика исследования.

1) С позиций историко-культурного подхода объектом изучения являются навыки труда гончаров. Форма сосуда рассматривается как результат действия определенных

навыков труда, использованных мастером для изготовления сосуда, и закрепленных в культурных традициях, которые передаются от поколения к поколению в рамках определенного человеческого коллектива.

2) Трудовые навыки изготовителей посуды отличаются по степени устойчивости. Это общая закономерность для всех сфер гончарства – не только придания сосудам формы, но и орнаментации и технологии изготовления [5, с. 243–244; 6, с. 96–97, 118]. В результате многолетних экспериментов А.А. Бобринским было установлено, что при попытке гончара сделать сосуд незнакомой, новой для него формы, в первую очередь он *изменяет общую пропорциональность сосуда, сохраняя очертания* формы привычного для него образца [7, с. 162–163].

Эксперименты последних лет, проведенные на базе Самарской экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства, а также результаты обработки этнографического материала свидетельствуют, что различия в устойчивости трудовых навыков имеются и на уровне очертаний форм. Эти данные показывают, что наиболее устойчивы – навыки создания нижних частей сосуда – тулова и плеча-предплечья, а наименее устойчивы – навыки создания верхних его частей – щеки или шеи. Эта тенденция достаточно универсальна. Она проявляется в разных категориях форм – горшковидных и кувшиновидных, у мастеров разной квалификации, с разным опытом лепки и разным уровнем технической оснащенности [8; 9].

Все эти данные учитываются как при систематизации форм сосудов из археологических памятников, так и при интерпретации данных анализа.

3) Применяемая методика отличается по цели и содержанию исследования от более распространенных методов изучения форм сосудов – например, от типологии и классификации. Такой целью является не разделение совокупности форм на несколько типов/вариантов/классов, а выявление массовых или ведущих для конкретного памятника традиций создания форм сосудов. Для этого сосуды изучаются на разных по степени детальности уровнях анализа: I) общая пропорциональность (далее – ОПП) всего сосуда, т.е. соотношение его высоты и максимального диаметра; II) естественные структуры (конструкции) сосудов; III) сформированность функциональных частей сосудов. Этот показатель оценивается по ОПП функциональной части (отношение высоты к полусумме диаметров оснований) и углу наклона боковой линии костяка.

Опираясь на перечисленные положения, автором этой статьи ранее была проведена реконструкция разных несмешанных традиций создания форм сосудов, распространенных на салтово-маяцких могильниках Среднего Подонья. Проанализированы самые многочисленные категории салтово-маяцкой посуды: кувшины, кружки и горшки – всего 645 сосудов из 12 памятников. Каждой из этих категорий посвящена отдельная статья, где подробно раскрываются все методические аспекты анализа [10–12].

В каждой категории посуды выявлено по две разные традиции (примеры – рис. 1). Важно подчеркнуть, что во всех изученных категориях существенными для различия разных традиций оказались параметры *тулова* и *плеча-предплечья*, т.е. тех частей, которые, как было отмечено выше, являются наиболее устойчивыми. Конкретные сочетания признаков, определяющие разные традиции, для каждой категории сосудов оказались разными (табл. 1).

Кувшины. В рамках первой традиции кувшинов (далее в тексте и таблицах – К-1) для форм с относительно более низким туловом характерны слабый угол наклона плеча-предплечья и более низкая ОПП всего сосуда; для кувшинов с более высоким туловом характерны бо́льший угол наклона плеча-предплечья и относительно более

высокая ОПП всего сосуда. Для второй традиции (К-2) характерны «противоположеное» сочетание параметров ОПП тулова и угла наклона плеча-предплечья, а также отсутствие наиболее низких вариантов ОПП шеи.

Кружки. К первой традиции (Кр-1) относятся изделия с более низким туловом и более низким плечом-предплечьем, ко второй (Кр-2) – с относительно более высокими показателями ОПП этих функциональных частей.

Горшки. Для первой традиции (Г-1) характерны формы относительно более высоких пропорций, доминирование конструкций с предплечьем, относительно более высокие углы наклона тулова и относительно более высокая общая пропорциональность щеки-шеи. Для второй традиции (Г-2) набор признаков «зеркальный»: низкие пропорции всего сосуда, преобладание форм с плечом, более низкие углы наклона тулова и более низкая общая пропорциональность щеки-шеи.

Полученные данные используются в этой статье для сравнительного анализа памятников, связанных с аланским компонентом салтово-маяцкой культуры. В ней рассматриваются материалы Дмитриевского, Нижнелубянского¹, Старосалтовского, Рубежанского, Ютановского и Маяцкого могильников – всего 277 сосудов, которые соответствуют реконструированным ранее несмешанным традициям создания формы.²

Анализ

Рассмотрим ассортимент морфологических традиций, представленных в разных памятниках (табл. 2–8). В Дмитриевском могильнике (рис. 2, 1–9; табл. 2) среди кувшинов доминирует традиция К-1 – к ней относится 79,5% изделий, среди кружек – традиция Кр-1, к которой относится 90,2% сосудов, и среди горшков – Г-1 (все горшки). В Нижнелубянском могильнике ассортимент традиций очень похож (рис. 2, 10–18; табл. 3). Среди кувшинов 82,4% экземпляров относятся к К-1, среди кружек и горшков все относятся к Кр-1 и Г-1 соответственно. В Старосалтовском могильнике (рис. 3, 1–5; табл. 4) отмечено доминирование традиции К-2 для кувшинов – 77,8% сосудов, Кр-2 для кружек – 75% сосудов. Заключение по горшкам вряд ли допустимы – найден всего один экземпляр. Рубежанский могильник (рис. 3, 6–11; табл. 5) по ассортименту похож на Старосалтовский. Здесь доминирует традиция К-2 для кувшинов – 85,7% сосудов, Кр-2 для кружек – 75% сосудов. Горшки представлены одним экземпляром. В Ютановском могильнике³ (рис. 4, 1–6; табл. 6) 90% кувшинов относятся к традиции К-2, 100% кружек – к традиции Кр-1. Горшков нет. В Подгоровском могильнике (рис. 4, 14–21; табл. 7) 90% кувшинов относятся к традиции К-1, 66,7% кружек соответствуют традиции Кр-2. Горшки представлены двумя экземплярами, оба соответствуют традиции Г-2. В Маяцком комплексе (рис. 4, 7–13; табл. 8) все кувшины относятся к традиции К-2, все кружки – к Кр-1, все горшки – к Г-2.

1. Некоторые сосуды из Маяцкого комплекса и Нижнелубянского могильника изучались по рисункам В.А. Сарапулкина [25]. Номера могил, из которых они происходят, неизвестны. В таблицах к этой статье такие случаи отмечены знаком «?».

2. Здесь учитываются целые формы сосудов из поселенческих комплексов Маяцкого. В составе этого археологического комплекса нет некрополей, которые связывались бы исследователями с не аланскими, а какими-то другими группами населения. Именно на этом основании такие сосуды отнесены к кругу материалов, связанных с донскими аланами.

3. В иллюстрациях к данной статье используются неопубликованные оригиналы рисунков сосудов из Ютановского могильника, выполненные Г.Е. Афанасьевым, который передал мне эти материалы для дальнейшего использования в исследовательских целях. Рисунки в настоящее время хранятся в личном архиве автора. Пользуясь случаем, выражаю искреннюю благодарность Г.Е. Афанасьеву за предоставленную возможность работать с этим материалом.

На основании различий в доминирующих традициях все рассмотренные памятники образуют три группы (рис. 5):

1) Дмитриевский и Нижнелубянский могильники. Доминирование традиций *K-1*, *Kp-1* и *G-1*;

2) Старосалтовский и Рубежанский могильники. Доминирование традиций *K-2* и *Kp-2*. Горшки в целом не характерны.

Две эти группы обладают «противоположными» наборами морфологических традиций. Каждый из этих наборов повторяется на двух могильниках. Учитывая их повторяемость и устойчивость, мы предлагаем называть такие наборы форм несмешанными;

3) Ютановский, Подгоровский и Маяцкий могильники. По ассортименту морфологических традиций разных категорий сосудов в этих памятниках отмечены характерные черты, как первой, так и второй группы. Так, например, Ютановка и Маяцкое по кувшинам ближе ко второй группе, а по кружкам – к первой. Подгоровский могильник по кувшинам формально соответствует первой группе, но отличается от неё по горшкам.

Наборы традиций каждого памятника третьей группы в чём-то уникальны. Эти памятники проявляют сходство с могильниками первой и второй групп исключительно по доминирующим традициям в *какой-то конкретной категории* сосудов. Если же мы смотрим на *весь ассортимент* морфологических традиций, то каждый памятник третьей группы чем-то отличается друг от друга. По своей сути наборы традиций третьей группы являются смешанными.

Сравнение ассортимента морфологических традиций из разных памятников с помощью многомерной статистики – методом главных компонент – подтверждает предложенную группировку и ее интерпретацию. Анализ выполнен в компьютерной программе *Statistica*. Сравнение памятников проводилось на основании количественных данных, а именно по процентам сосудов, относящихся к разным морфологическим традициям. Результаты анализа представлены в виде графика с двумя осями и рассеянным облаком «точек», обозначающих изучаемые памятники (рис. 6). По степени близости таких точек можно судить о мере сходства памятников по доминирующим на них традициям создания форм сосудов: чем они ближе, тем более они схожи.

В левой части графика (рис. 6) расположены памятники первой группы, в правой части – памятники второй группы. В обоих случаях памятники одной группы расположены компактно по отношению друг к другу, как по первой, так и второй главным компонентам, т.е. по горизонтальной и вертикальной оси. Это свидетельствует о сильных различиях между группами и высокой степени сходства внутри групп. Ютановский, Подгоровский и Маяцкий могильники находятся между памятниками этих двух групп. Они самые разнообразные как по первой, так и второй главным компонентам. Это подчеркивает, что третья группа – самая неоднородная по наборам морфологических традиций, которые по своему содержанию являются смешанными.

Существует ли какая-то связь между особенностями ассортимента традиций создания форм сосудов на разных памятниках и их расположением в изучаемом регионе? Некоторые территориальные различия демонстрируют памятники с несмешанными и смешанными наборами традиций. Здесь нужно оговорить, что семи точек на карте, вполне вероятно, недостаточно для выявления каких-то закономерностей. Однако даже этот объём материала позволяет зафиксировать определенные тенденции.

Формально, рассмотренные памятники образуют два территориальных кластера, точка пересечения которых находится в Ютановском археологическом комплексе. Могильники с несмешанными наборами (т.е. первой и второй групп) составляют западный территориальный кластер (рис. 7 а, б, д). Он связан преимущественно с долиной Северского Донца, только Нижнелубянский могильник относится к долине Оскола. Могильники со смешанными наборами, т.е. третьей группы, формируют восточный кластер (рис. 7 в, е), который соответствует долинам рек Оскол и Тихая Сосна.

Таковы основные результаты изучения ассортимента традиций создания форм сосудов на памятниках, связанных с аланским компонентом салтово-маяцкой культуры.

Обсуждение

Полученные данные ставят к обсуждению несколько вопросов:

- 1) С чем связаны различия изученных памятников по доминирующим на них традициям создания форм сосудов?
- 2) Чем объясняется то обстоятельство, что на некоторых памятниках представлены устойчивые и повторяющиеся наборы морфологических традиций (группы 1 и 2), а на других – более разнообразные и неповторяющиеся (группа 3)?
- 3) Почему памятники с несмешанными наборами тяготеют к западным районам донской лесостепи, а памятники со смешанными – к восточным?

Полезными для поиска ответов на эти вопросы могут быть результаты изучения погребального обряда донских алан, полученные Г.Е. Афанасьевым. По материалам катакомбных салтовских могильников Среднего Подонья исследователь выделил три погребальные традиции, которые могут отражать три разные племенные группы донских алан: Верхнесалтовско-Ютановская, Дмитриевско-Нижнелубянская и Маяцкая [13, с. 91–93].

Ритуал захоронения в соответствии с Верхнесалтовско-Ютановской традицией отличается устройством более длинных и глубоких дромосов, более длинных, широких и высоких погребальных камер, положением всех умерших вытянуто на спине независимо от пола, относительно меньшим числом людей, похороненных в одной камере. Данную традицию характеризуют и некоторые особенности вещевого комплекса (отсутствие сосудов в дромосе, относительно меньшее число сосудов в камере, высокий процент захоронений с кинжалами и поясными наборами, наличие в могилах так называемых рогатых пряжек и др.).

Дмитриевско-Нижнелубянский ритуал характеризуется более короткими и мелкими дромосами, менее длинными, широкими и высокими камерами, половыми различиями расположения погребенных (мужчины лежат вытянуто на спине, женщины – на боку), относительно большим числом людей, похороненных в одной камере, присутствием сосудов в дромосах, относительно большим числом сосудов в камерах, высоким процентом комплексов с луками, стрелами, саблями, а также некоторыми другими чертами.

Маяцкая погребальная традиция характеризуется наименьшими размерами дромосов и камер, разнообразием форм входных ям усыпальниц, расположением упокоенных женщин, как на левом, так и на правом боку. По инвентарю и напутственной пище эта традиция неоднородна и сочетает признаки Верхнесалтовско-Ютановской и Дмитриевско-Нижнелубянской традиций.

Результаты сопоставления данных о морфологических и погребальных традициях донских алан отображены в табл. 9. На памятниках первой группы представлена одна погребальная традиция – Дмитриевско-Нижнелубянская. На памятниках второй группы также представлена одна, но другая погребальная традиция – Верхнесалтовско-Ютановская. На памятниках третьей группы представлены все три известные в регионе погребальные традиции, т.е. упомянутые выше, а также Маяцкая.

Таким образом, каждый *несмешанный* набор морфологических традиций устойчиво связан с *каким-то одним* определенным погребальным ритуалом. *Смешанные* наборы такой связи *не имеют*. В могильниках с такими наборами представлены разные погребальные традиции.

Полученные данные приводят к заключению, что причиной различий памятников по ассортименту морфологических традиций являются культурные особенности общин, оставивших рассматриваемые в этом исследовании могильники. Мы фиксируем две формы проявления таких особенностей.

Первая – это отличия коллективов, оставивших разные могильники, по конкретным культурным традициям, которые были в них распространены. Здесь имеется в виду связь определенного набора форм посуды с определенным погребальным ритуалом. Группы 1 и 2 показывают, что в некоторых коллективах донских алан такая связь была достаточно жесткой и устойчивой. Дмитриевско-нижнелубянские культурные традиции отличаются от салтовско-рубжанских и по погребальному ритуалу, и по керамике.

Вторая – это отличия общин по степени культурной однородности. Все памятники со смешанными наборами морфологических традиций оставлены коллективами, следовавшими *разным* погребальным ритуалам. Таким образом, группы населения, оставившие Ютановский, Подгоровский и Маяцкий могильники, на фоне всех других рассмотренных в этой статье были в культурном отношении самыми неоднородными.

В предыдущем разделе этой статьи отмечено, что памятники с несмешанными и смешанными наборами морфологических традиций имеют некоторые различия в расположении на территории донской лесостепи: первые тяготеют к западным её районам, а вторые – к восточным (рис. 7 д, е). На наш взгляд, эта деталь является достаточно важной для интерпретации полученных в этом исследовании данных. На правах гипотезы нам хотелось бы предложить одну из версий, которая могла бы объяснить как механизм появления памятников со смешанными наборами морфологических традиций, так и их соответствие восточным районам лесостепного Подонья.

Эта версия заключается в том, что общины, хоронившие своих покойных на Ютановском, Подгоровском и Маяцком могильниках, состояли из людей, которые раньше жили в западных районах донской лесостепи, но позднее переселились на восток, в долины Оскола и Тихой Сосны. Нужно подчеркнуть, что речь идет не о переселении всего аланского населения западных районов донской лесостепи на восток, а об уходе из мест своего проживания каких-то отдельных групп, в которых были носители *разных погребальных и гончарных традиций*. Присутствие в составе переселенцев носителей разных традиций – это ключевой фактор, который и мог привести к формированию в *новых местах пребывания* этих людей неоднородных в культурном отношении коллективов.

Судя по археологическому материалу, сохранение культурных особенностей переселяемых групп алан не имело необходимости для успешного решения задач в ходе этого переселения. В каждом катакомбном могильнике из восточных районов донской лесостепи мы видим уникальные сочетания погребальных ритуалов и наборов

форм керамики, отсутствующие в могильниках западных районов (рис. 5; табл. 9). Это наводит на мысль, что данное мероприятие было инициировано не самим населением, а хазарской властью, пытавшейся решить таким образом какие-то актуальные политические задачи.

Здесь нужно напомнить, что в восточной части лесостепного Подонья расположена группа каменных и кирпичных городищ салтово-маяцкой культуры (рис. 7, г). Об истоках этой архитектурной традиции, которая очень нехарактерна для изучаемого региона, а также о назначении этих крепостей и времени их возведения до сих пор ведется дискуссия [14–17]. В последние годы пристальное внимание этой теме уделял Г.Е. Афанасьев [18–21]. В соответствии с его концепцией, возведение на Тихой Сосне цепочки этих городищ отражает процесс обозначения государственных границ, который осуществляла хазарская власть в 30–40-е гг. IX в., т.е. спустя 8–9 десятилетий со времени появления алан в лесостепном Подонье [20, с. 351–352; 21, с. 106]. Эта кампания началась со строительства Саркела на Нижнем Дону под руководством византийских мастеров и продолжилась возведением линии крепостей на северной границе со славянами. Проведенные Г.Е. Афанасьевым расчеты показали, что трудозатраты на строительство каменных и кирпичных городищ были в 4–5 раз выше, чем трудозатраты на возведение более типичных для салтовской культуры земляных укреплений. По его мнению, это свидетельствует, что строительство таких городищ и обеспечение этого мероприятия всеми необходимыми ресурсами выполнялось по инициативе и под непосредственным контролем государственной власти [13, с. 143, 147–150].

Таким образом, строительство серии каменных и кирпичных городищ на Тихой Сосне и необходимость контроля этого участка славяно-хазарского пограничья могли быть вероятными причинами притока аланского населения в восточные районы лесостепного Подонья и формирования на новых местах проживания этих людей более неоднородных в культурном отношении коллективов.

Завершая данный раздел статьи, необходимо привести ещё один факт, подкрепляющий выдвинутую гипотезу. Все гончарные традиции разделяются на две сферы: внутреннюю и внешнюю. К внутренней принадлежат традиции, которые целиком относятся непосредственно к деятельности гончаров – это техника и технология изготовления сосудов. К сфере внешней культуры относятся гончарные традиции, доступные вниманию потребителей посуды – это формы и орнаментация сосудов [28, с. 29–30]. Данное разграничение имеет важное значение для интерпретации результатов изучения археологической керамики. Изменения традиций, относящихся к внутренней культуре, свидетельствуют в большей степени о каких-то переменах в составе изготовителей посуды, и, напротив, изменения в сфере внешней культуры в большей мере отражают изменения в составе потребителей.

Разнообразие состава традиций создания форм сосудов (т.е. традиций внешней культуры), зафиксированное в могильниках восточного кластера, свидетельствует о том, что данные памятники отражают усложнение культурного состава *среди потребителей* глиняной посуды. Другими словами, керамические материалы этих могильников отражают результаты более масштабного явления, чем переселение отдельных групп гончаров, следовавших разным морфологическим традициям.

Заключение

Завершая статью, перечислим основные выводы и предположения, которые могут быть сделаны на основании результатов проведённого исследования:

1) Катакомбные могильники восточных районов лесостепного Подонья оставлены более неоднородными в культурном отношении группами населения. В культуре этих людей смешаны разные гончарные и погребальные традиции, известные «в чистом виде» в западных районах донской лесостепи;

2) Вполне вероятно, что Ютановский, Подгоровский, Маяцкий могильники – это кладбища общин, включающих переселенцев из западной части донской лесостепи, традиции которых смешались на новых местах проживания;

3) Возможная причина притока нового населения в восточные районы – строительство серии каменных и кирпичных городищ на Тихой Сосне, имевшее место в соответствии с версией Г. Е. Афанасьева в 30–40-е гг. IX в., а также необходимость дальнейшего контроля этого участка славяно-хазарского пограничья.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних и средневековых антропогенных экосистем» (№ НИОКТР 122011200264-9).

Acknowledgements. The article was carried out within the framework of the research of IA RAS «Interdisciplinary approach in the study of the formation and development of ancient and medieval anthropogenic ecosystems» (No. NIOKTR 122011200264-9).

Таблица 1. Признаки несмешанных традиций создания форм сосудов салтово-маяцкой культуры на Среднем Дону.

Традиции	Признаки (ступени качеств, либо состояния качеств) по Цетлин Ю.Б, 2018 [2]			
<i>Кувшины</i>				
	ОПП всего сосуда	ОПП шеи	Угол наклона плеча-предплечья	ОПП тулова
К-1, первый вариант	35-38	29-36	24-25	«низкая»
К-1, второй вариант	39-40	29-40	26-27	«средняя/низкая», редко «средняя»
К-2, первый вариант	36-39	36-38	26-27	«низкая»
К-2, второй вариант	38-41	27-35	24-25	«средняя/низкая»
<i>Кружки</i>				
Кружки	ОПП плеча-предплечья		ОПП тулова	
Кр-1	18-24		15-21	
Кр-2	25-29		23-29	
<i>Горшки</i>				
	ОПП всего сосуда	Конструкция	Угол наклона тулова	ОПП щеки-шеи
Г-1	37 и выше	Г+Щ+ПП+Т+ОТ, Г+Щ/Ш+ПП+Т+ОТ, Г+Ш+ПП+Т+ОТ, Г+Ш+П/ПП+Т+ОТ, Г+Щ/Ш+П/ПП+Т+ОТ	15 и выше	«очень низкая»
Г-2	до 36	Г+Щ+П+Т+ОТ, Г+Щ/Ш+П+Т+ОТ, Г+Ш+П+Т+ОТ, Г+Щ+П/ ПП+Т+ОТ	до 14	«очень-очень низкая»

Таблица 2. Сосуды несмешанных морфологических традиций из Дмитриевского могильника.

№ могилы/ тризны («тр.»)	К-1	К-2	Кр-1	Кр-2	Г-1	№ могилы/ тризны («тр.»)	К-1	К-2	Кр-1	Кр-2	Г-1	№ могилы/ тризны («тр.»)	К-1	К-2	Кр-1	Кр-2	Г-1
1	1	1		2		63	1				2	123	2				
2					1	64			1			125	1		1		
3			1			67		1				133					1
5	1					71	1		1			134	2		2		
6	1		1			72		1				135			1		
7			1		1	73	1					138		1			
10			2		2	74	1					140			1		
11	1					77			1			150	2				1

15			2			79	1					151	3				
17	1																
21	2		1			81	1					152	2				
22	2		1			82			1			154	1		1		
23	1		2			83		1				155		1			
26	2	1				86	2		1			165	1				
28			1			89		1		1		167			1		
30			2			92		1				168	1		1		
32			1			94	1					170	1		1		1
36		1				98			1			173	1		1	1	
38	3		3		1	101	1		1			177	1				
42					1	102			1			178	1				
44	1					103	1					179			1		
45	2					106	4					тр10					3
49	1					107		1	1			тр21					1
50	1					108	2					тр26			1		
52			1			109	1	1				тр3			1		
54		1	1			110	2					тр40					2
55	1					111	2					тр46			1		1
56	1					114					1	тр47					1
57		2				116			1			тр5					2
58			1			118	1		1			тр57				1	
59			1			119	1	1	2			тр58					1
61			1			120		1				тр61					2
62	2		1			121	2					тр7					1

В ячейках указано количество сосудов. К – кувшины, Кр – кружки, Г – горшки.

Таблица 3. Сосуды несмешанных морфологических традиций из Нижнелубянского могильника.

№ могилы/ кенотафа («кен.»)	К-1	К-2	Кр-1	Кр-2	Г-1
37	1				
39		1	1		
40	1		1		
42	1		1		
43			1		
44	3		7		
56			1		
кен50					1
?	8	2			7

Таблица 4. Сосуды несмешанных морфологических традиций из Старосалтовского могильника.

№ катакомбы	К-1	К-2	Кр-1	Кр-2	Г-1
1		1			
2		1			
4		1			
8					1
11		1			
12				1	
13	1				
14		1			
15				1	
16	1				
17			1		
18				1	
20		1			
22		1			

Таблица 5. Сосуды несмешанных морфологических традиций из Рубежанского могильника.

№ катакомбы	К-1	К-2	Кр-1	Кр-2	Г-2
3		1			
4	1				
8			1		
9		1			
10				1	
11				1	1
12				1	
13		1			
15		1			
16		1			
17		1			

Таблица 6. Сосуды несмешанных морфологических традиций из Ютановского могильника.

№ катакомбы	К-1	К-2	Кр-1
4		1	
5			1
6			1
7			1
8		1	
10		1	
11		1	
12			1
13			1
14		1	
19		1	
19		1	
20		1	
1Н			1
3Н		1	
3П	1		

Таблица 7. Сосуды несмешанных морфологических традиций из Подгоровского могильника.

№ могилы	К-1	К-2	Кр-1	Кр-2	Г-2
2	1				
5	3				
8				1	
10			1		
11	1				1
12	3				
13			1		
14	1				
пог.5					1
подб. пог. 2		1			

Таблица 8. Сосуды несмешанных морфологических традиций из Маяцкого комплекса.

№ комплекса	К-2	Кр-1	Г-2
?			11
кат. 35	1		
кат. 48	1		
кат. 58	1		
кат. 67	1		
кат. ямы 30		2	
тризна 1		2	
тризна 2		1	
тризна 3		1	
тризна 4		1	
тризна 5		1	
тризна 12		1	
яма 14		1	

Таблица 9. Сопоставление данных о гончарных и погребальных традициях.

Погребальные традиции/Группы по керамике	Группа 1	Группа 2	Группа 3
Дмитриевско-Нижнелубянская			
Верхнесалтовско-Ютановская			
Маяцкая			

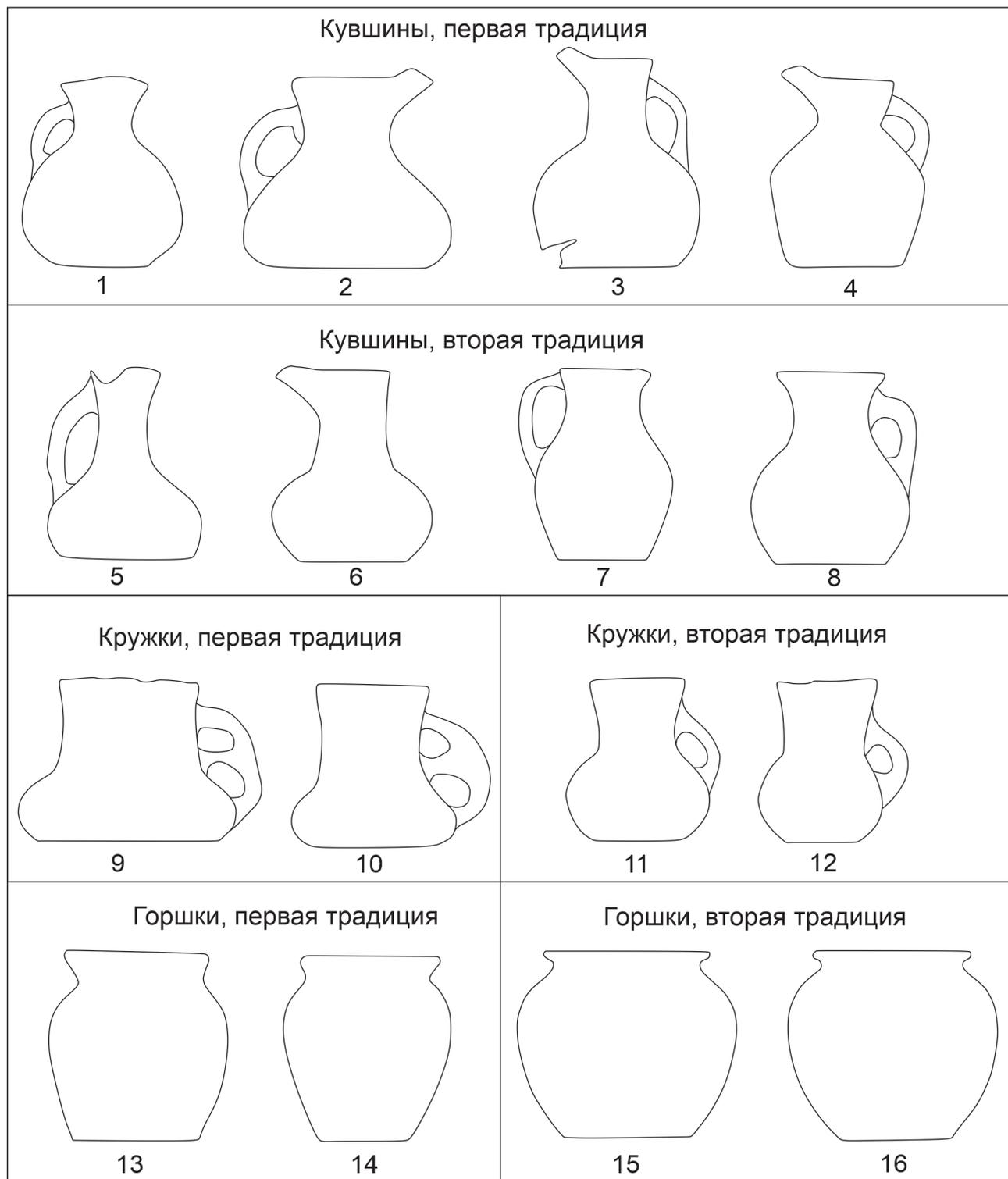

Рис. 1. Несмешанные традиции создания форм сосудов, выделенные по салтово-маяцким материалам бассейна Среднего Дона

Fig. 1. Unmixed traditions of modeling vessel shapes among the Saltovo-Mayatsk culture of the Middle Don basin

Рис. 2. Примеры форм сосудов, характерных для памятников группы 1. Без масштаба, приведены к одной высоте. 1-9 – Дмитриевский могильник: 1 – кат. 38, 2 – кат. 63, 3 – кат. 5, 4 – кат. 72, 5 – кат. 63, 6 – кат. 6, 7 – кат. 26, 8 – кат. 58, 9 – тризна 10; 10-18 – Нижнелубянский могильник: 10, 15-17 – кат. 44, 11 – кат. 42, 12 – кат. 40, 13, 18 – кат. 37, 14 – кенотаф 50

Fig. 2. Examples of vessels of group 1 sites. Without scale, identical height. 1-9 – Dmitrievsky burial ground: 1 – cat. 38, 2 – cat. 63, 3 – cat. 5, 4 – cat. 72, 5 – cat. 63, 6 – cat. 6, 7 – cat. 26, 8 – cat. 58, 9 – funeral feast 10; 10-18 – Nizhnelubyansky burial ground: 10, 15-17 – cat. 44, 11 – cat. 42, 12 – cat. 40, 13, 18 – cat. 37, 14 – cenotaph 50

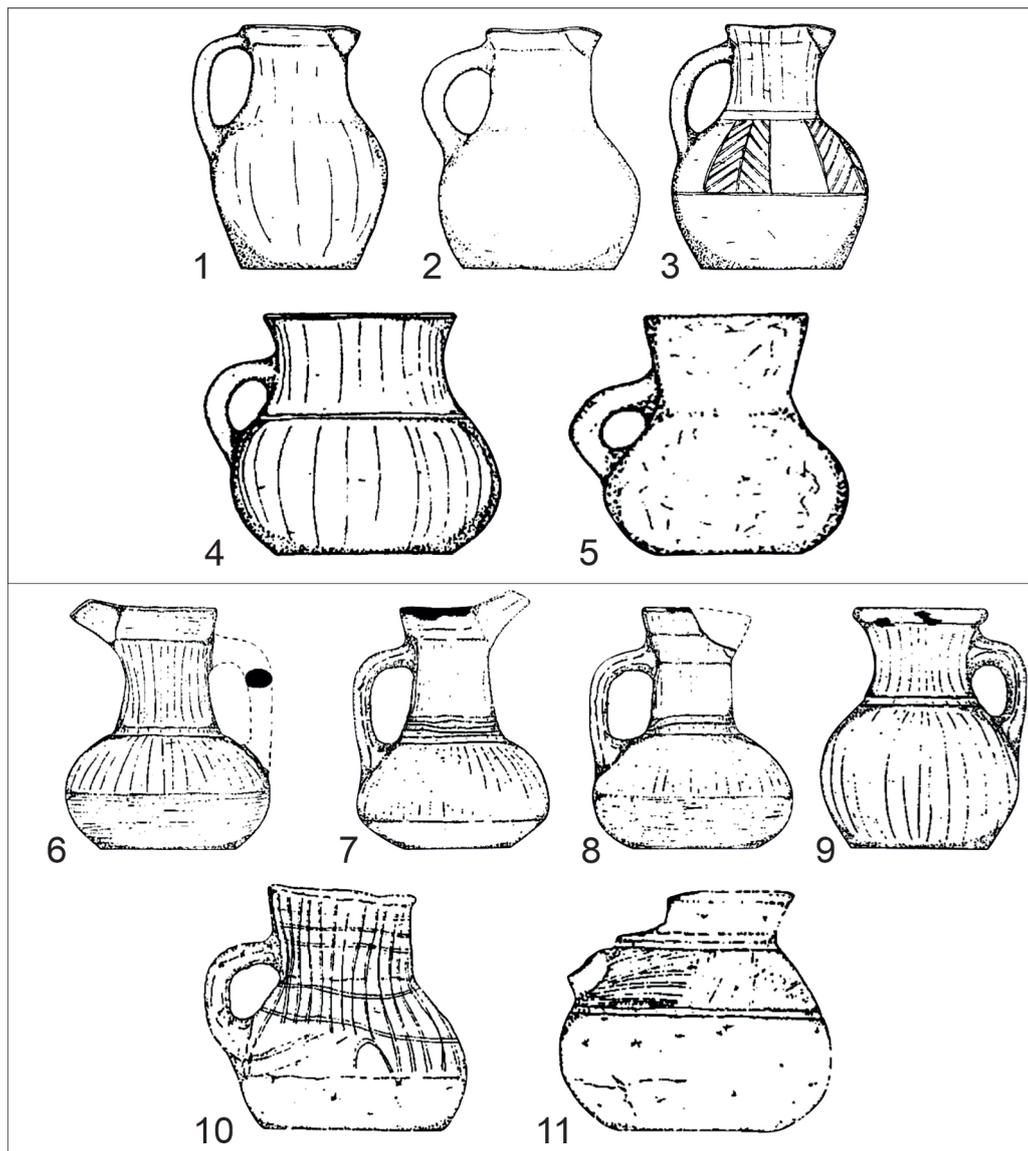

Рис. 3. Примеры форм сосудов, характерных для памятников группы 2. Без масштаба, приведены к одной высоте. 1-5 – Старосалтовский могильник. Рисунки В.С. Аксенова [22, рис. 8: 2, 3, 8, 15, 16]: 1 – кат. 20, 2 – кат. 22, 3 – кат. 4, 4 – кат. 12, 5 – кат. 18; 6-11 – Рубежанский могильник. Рисунки В.С. Аксенова [23, рис. 7: 1-3, 9; 8: 4, 5]: 6 – кат. 17, 7 – кат. 9, 8 – кат. 3, 9 – кат. 16, 10 – кат. 10, 11 – кат. 12

Fig. 3. Examples of vessels of group 2 sites. Without scale, identical height. 1-5 – Starosaltovsky burial ground. Drawings by V.S. Aksenov [22, fig. 8: 2, 3, 8, 15, 16]: 1 – cat. 20, 2 – cat. 22, 3 – cat. 4, 4 – cat. 12, 5 – cat. 18; 6-11 – Rubezhansky burial ground. Drawings by V.S. Aksenov [23, fig. 7: 1-3, 9; 8: 4, 5]: 6 – cat. 17, 7 – cat. 9, 8 – cat. 3, 9 – cat. 16, 10 – cat. 10, 11 – cat. 12

Рис. 4. Примеры форм сосудов, характерных для памятников группы 3. Без масштаба, приведены к одной высоте. 1-6 – Ютановский могильник: 1 – кат. 19, 2 – кат. 20, 3 – кат. 8, 4 – кат. 6, 5 – кат. 1Н, 6 – кат. 5. 5, 6 – рисунки Г.Е. Афанасьева; 7-13 – Маяцкий комплекс, по А.З. Винникову, С.А. Плетневой, Г.Е. Афанасьеву [15, рис. 18: А; 26: В, В; 35: А, В; 24, рис. 5: 6, 7]; 7 – кат. ямы 18, 8, 9 – кат. 1, 10 – яма 29, 11 – тризна 3, 12 – тризна 5, 13 – постройка 24; 14-21 – Подгоровский могильник: 14-15 – кат. 12, 16, 21 – кат. 11, 17 – погр. 5, 18 – кат. 10, 19 – кат. 13, 20 – кат. 8. 18-20 – рисунки В.А. Сарапулкина [26, рис. 74: 15; 27, рис. 64: 9; 73: 20]

Fig. 4. Examples of vessels of group 3 sites. Without scale, identical height. 1-6 – Yutanovsky burial ground: 1 – cat. 19, 2 – cat. 20, 3 – cat. 8, 4 – cat. 6, 5 – cat. 1N, 6 – cat. 5. 5, 6 – drawings by G.E. Afanasyev; 7-13 – Mayatsky Complex, according to A.Z. Vinnikov, S.A. Pletneva, G.E. Afanasyev [15, fig. 18: A; 26: B, V; 35: A, B; 24, fig. 5: 6, 7]; 7 – cat. pits 18, 8, 9 – cat. 1, 10 – pit 29, 11 – trizna 3, 12 – trizna 5, 13 – building 24; 14-21 – Podgorovsky burial ground: 14-15 – cat. 12, 16, 21 – cat. 11, 17 – burial 5, 18 – cat. 10, 19 – cat. 13, 20 – cat. 8. 18-20 – drawings by V.A. Sarapulkin [26, fig. 74: 15; 27, fig. 64: 9; 73: 20]

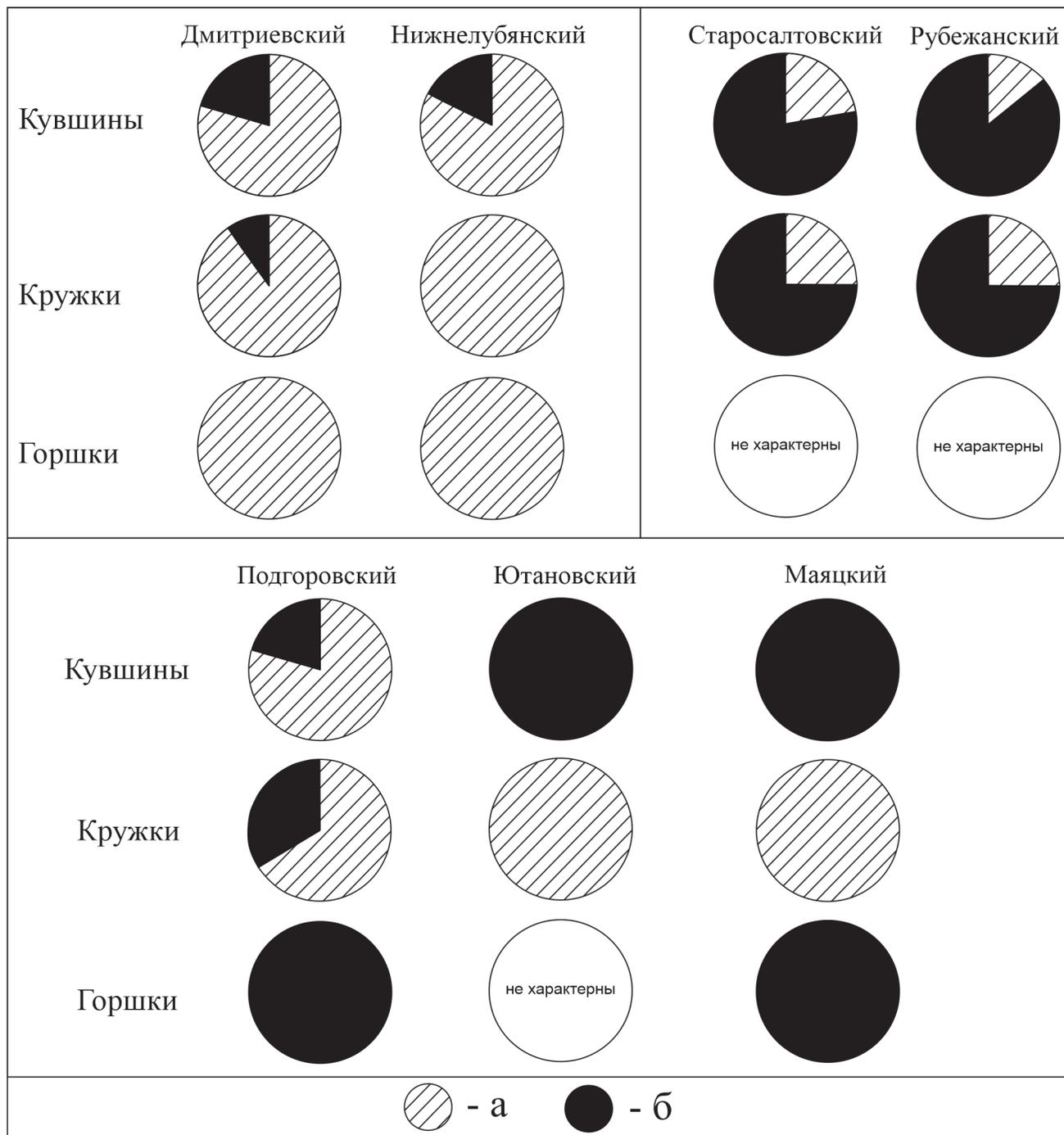

Рис. 5. Состав морфологических традиций в анализируемых памятниках:
 а – традиции К-1, Кр-1, Г-1, б – традиции К-2, Кр-2, Г-2

Fig. 5. The composition of morphological traditions in the analyzed sites:
 a – traditions K-1, Kr-1, G-1, b – traditions K-2, Kr-2, G-2

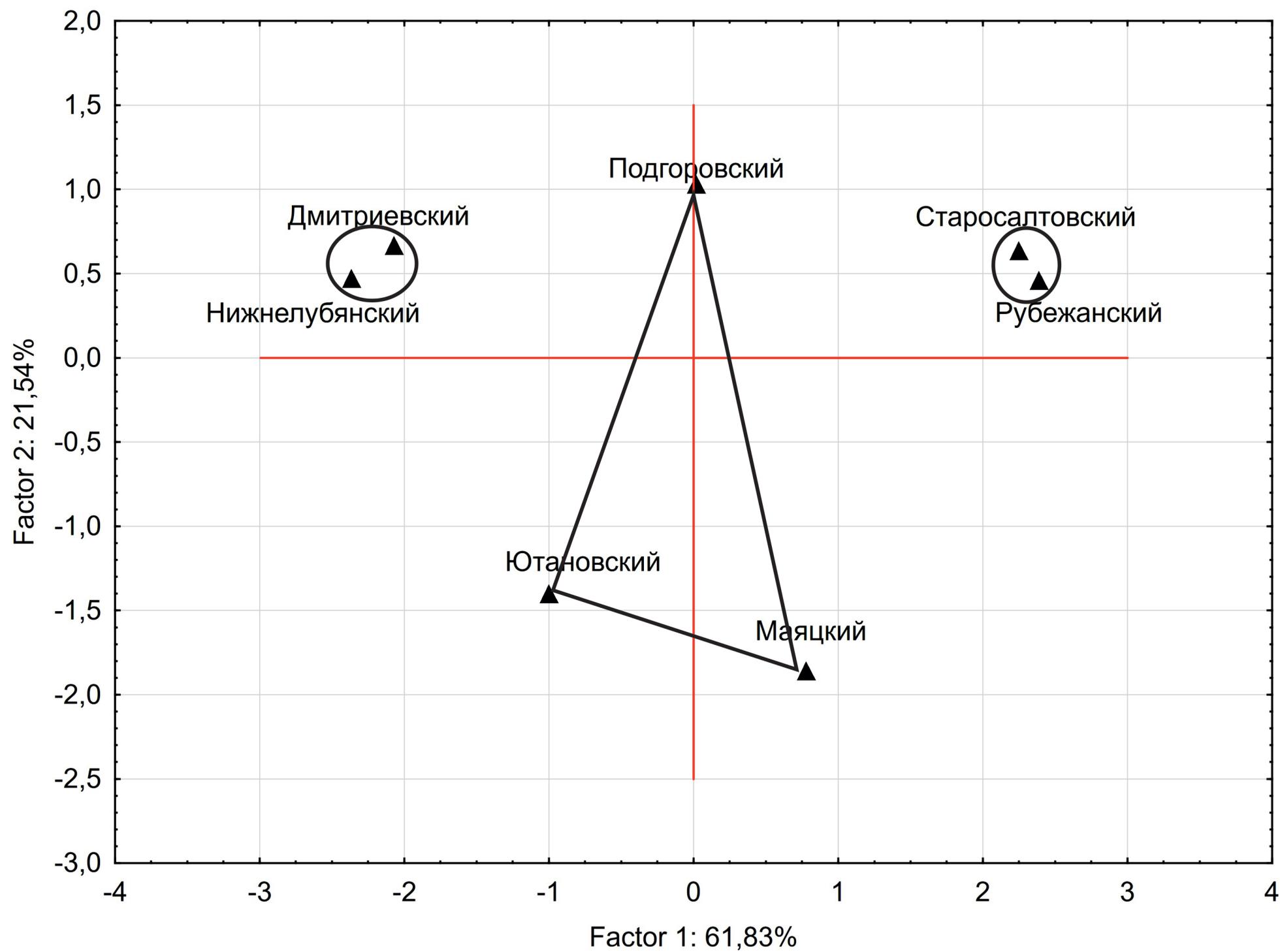

Рис. 6. Результаты сравнения ассортимента морфологических традиций методом главных компонент

Fig. 6. Results of morphological traditions comparison by the principal components analysis

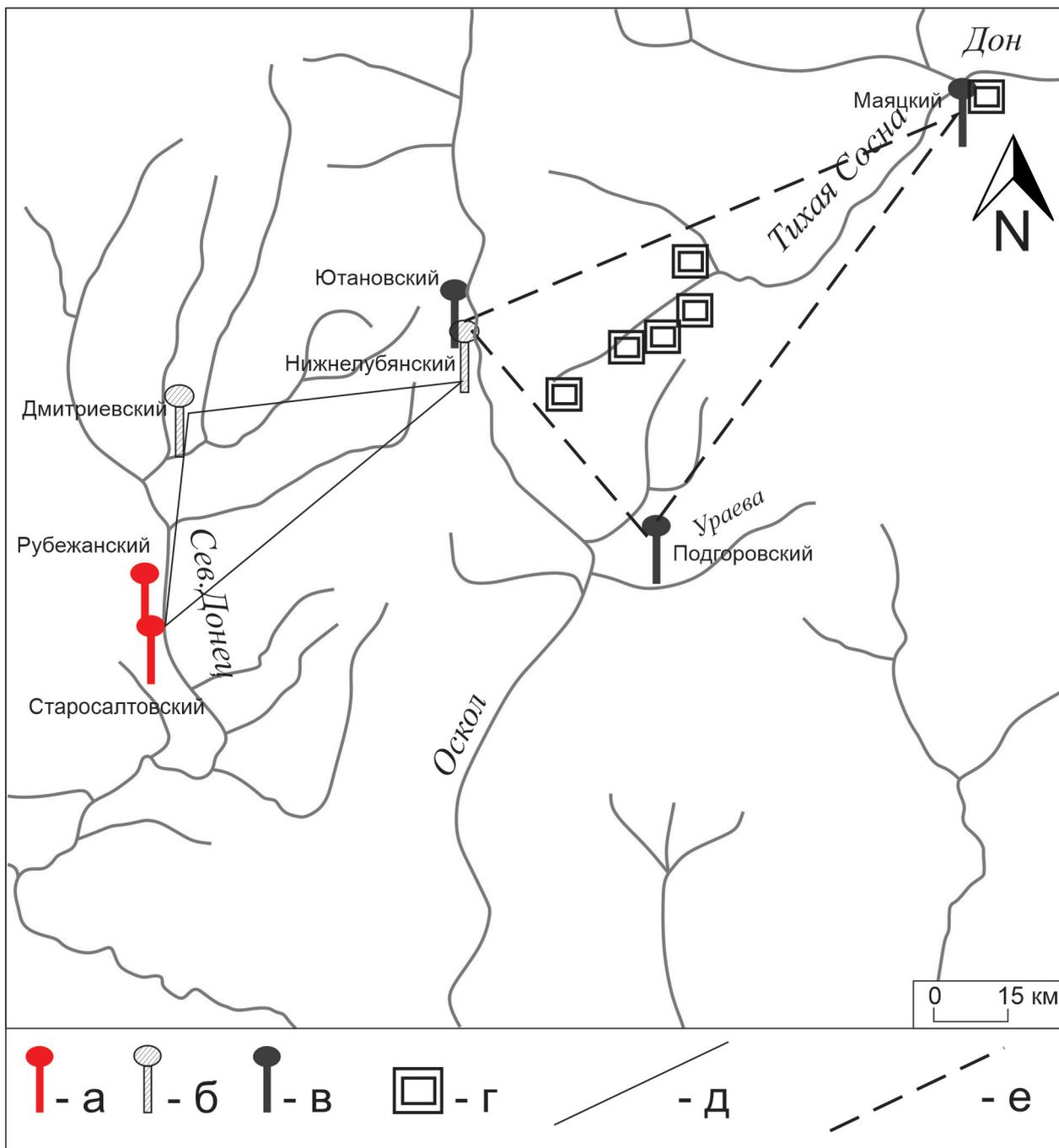

Рис. 7. Расположение исследуемых памятников: а – памятники группы 1, б – памятники группы 2, в – памятники группы 3, г – каменные и кирпичные крепости салтово-маяцкой культуры на р. Тихая Сосна, д – западный территориальный кластер, е – восточный территориальный кластер

Fig. 7. The location of the studied sites: a – group 1, b – group 2, v – group 3, g – stone and brick fortresses of the Saltovo-Mayatsk culture on the Tikhaya Sosna, d – western territorial cluster, e – eastern territorial cluster

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Афанасьев Г.Е., Добровольская М.В., Коробов Д.С., Решетова И.К. Новые археологические, антропологические и генетические аспекты в изучении донских алан // КСИА. 2015. Вып. 237. С. 64–79.
2. Цетлин Ю.Б. Об общем подходе и методике системного изучения форм глиняных сосудов // Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход / Отв. ред. Ю. Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2018. С. 124–179.
3. Бобринский А.А. О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Культуры Восточной Европы I тысячелетия / Отв. ред. Г. И. Матвеева. Куйбышев: Куйбышевский ГУ, 1986. С. 137–157.
4. Бобринский А.А. Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // Проблемы изучения археологической керамики / Отв. ред. А. А. Бобринский. – Куйбышев: Куйбышевский ГУ, 1988. – С. 5–21.
5. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. – 272 с.
6. Волкова Е.В. Об относительной устойчивости орнаментальных традиций в гончарстве (по материалам эпохи бронзы) // КСИА. 2018. Вып. 251. С. 96–110.
7. Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. – 384 с.
8. Холошин П.Р. Опыт изучения величины случайных колебаний функциональных частей сосудов // Новые материалы и методы археологического исследования: от критики источника к обобщению и интерпретации данных. Материалы V международной конференции молодых ученых / Отв. ред. В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2019. С. 204–206.
9. Суханов Е.В. Об устойчивости функциональных частей глиняных сосудов (экспериментальное исследование) // Вестник «История керамики». Вып. 3 / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2021. С. 116–143.
10. Суханов Е.В. Культурные традиции создания форм кувшинов у донских алан // История, археология и этнография Кавказа. 2020. Т. 16. № 3. С. 639–660.
11. Суханов Е.В. До дискусії що до етнічних маркерів у кераміці салтово-маяцької культури // Міхеєвські читання. Вип. 2 / Под ред. В.С. Аксенова, В. В. Колоды, В. В. Скирды. Харків: Майдан, 2021. С. 92–104.
12. Суханов Е.В. Формы кружек салтово-маяцкой культуры на Среднем Дону // История, археология и этнография Кавказа. 2021. № 17 (2). С. 455–479.
13. Афанасьев Г.Е. Донские аланы: социальные структуры алаано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М.: Наука, 2003. – 184 с.
14. Плетнёва С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.: Наука, 1967. – 200 с.
15. Винников А.З., Плетнёва С.А. На северных рубежах Хазарского каганата: Маяцкое поселение. Воронеж: Воронежский государственный университет, 1998. – 216 с.
16. Свистун Г.Е. К вопросу о строительном материале и архитектуре салтовских лесостепных городищ
1. Afanasyev GE., Dobrovolskaya MV, Korobov DS, Reshetova IK. New archaeological, anthropological and genetic aspects in the study of the Alans from the Don region. *Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 2015; 237: 64-79 (In Russ).
2. Tsetlin YuB. On General Approach and Methods of Vessels' Shapes Systematic Study. In: Tsetlin Yu.B, editor. *Shapes of Clay Vessels As a Subject of Study. Historical-and-Cultural Approach*. Moscow: IA RAS Publ., 2018: 124-179 (In Russ).
3. Bobrinsky AA. On the methodology of studying the forms of pottery from archaeological excavations. In: Matveeva G. I., editor. *Cultures of Eastern Europe of the first millennium*. Kuibyshev: Kuibyshev University Publ., 1986: 137-157 (In Russ).
4. Bobrinsky AA. Functional parts in the composition of containers of pottery. In: Bobrinsky A. A., editor. *Problems of studying archaeological ceramics*. Kuibyshev: Kuibyshev University Publ., 1988: 5-21 (In Russ).
5. Bobrinsky AA. *Pottery of Eastern Europe. Sources and methods of study*. Moscow: Nauka Publ., 1978: 272 (In Russ).
6. Volkova EV. Relative Stability of Ornamental Pottery Traditions (Based on Bronze Age Materials). *Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 2018; 251: 96–110 (In Russ).
7. Tsetlin YuB. *Ancient Ceramics. Theory and Methods of Historical-and-Cultural Approach*. Moscow: IA RAS Publ., 2012: 384 (In Russ).
8. Kholoshin PR. Experience of studying the magnitude of random oscillations of functional parts of vessels. *New materials and methods of archaeological research: from criticism of the source to generalization and interpretation of data. Materials of the V International Conference of Young Scientists*. Moscow: IA RAS Publ., 2019: 204-206 (In Russ).
9. Sukhanov EV. On the stability of the functional parts of clay vessels (experimental study). In: Tsetlin Yu. B, editor. *«History of Ceramics» Bulletin*. Vol. 3; Moscow: IA RAS Publ., 2021: 116-143 (In Russ).
10. Sukhanov EV. Cultural traditions of jug shapes among Don Alans. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2020; 16 (3): 639-660 (In Russ).
11. Sukhanov EV. To the discussion on ethnic markers in ceramics of Saltovo-Mayatsk culture. In: Aksenov V. S., Koloda V. V., Skirda V. V., editors. *Mikheev readings*. Vol. 2; Kharkov: Majdan Publ., 2021: 92–104 (In Russ).
12. Sukhanov EV. Shapes of cups from the saltovo-mayaki culture of the Middle Don. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2021; 17 (2): 455-479 (In Russ).
13. Afanasyev GE. *Don Alans: social structures of the Alano-Asso-Burtas population of the Middle Don basin*. Moscow: Nauka Publ., 2003: 184 (In Russ).
14. Pletneva SA. *From nomads to cities. Saltovo-Mayatsk culture*. Moscow: Nauka Publ., 1967: 200 (In Russ).
15. Vinnikov AZ., Pletneva SA. *On the northern borders of the Khazar Khaganate: Mayatskoe settlement*. Voronezh: Voronezh State University Publ., 1998: 216 (In Russ).

бассейна Северского Донца // Харьковский археологический сборник. Вып. 2. Харьков: Мачулин, 2007. С. 40–58.

17. Флёрв В.С. Заметки о хазарских кирпичях, блоках и крепостях // Хазарский альманах. 2015. Том 13. С. 299–336.

18. Афанасьев Г.Е. О византийских линейных мерах в Маяцкой крепости // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 5 / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк, 2010. С. 123–148.

19. Афанасьев Г.Е. О строительном материале и метрологии хазаро-аланских городищ бассейна Дона // Поволжская археология. 2012. № 2. С. 29–49.

20. Афанасьев Г.Е. Алексеевское городище как памятник салтово-маяцкой культуры // КСИА. 2015. Вып. 239. С. 339–357.

21. Афанасьев Г.Е. О самоидентификации Хазарско-го каганата в IX веке (по данным системы обороны) // КСИА. 2015. Вып. 238. С. 98–114.

22. Аксенов В.С. Старосалтовский катакомбный могильник // *Vita Antiqua*. 1999. № 2. С. 137–149.

23. Аксенов В.С. Рубежанский катакомбный могильник салтово-маяцкой культуры на Северском Донце // Донская археология. 2001. № 1-2. С. 62–78.

24. Винников А.З., Афанасьев Г.Е. Культурные комплексы Маяцкого селища. Материалы раскопок Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. Воронеж: ВГУ, 1991. – 192 с.

25. Сарапулкин В.А. Керамика и керамическое производство лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры: дис... канд. ист. наук. Воронеж, 2003. – 285 с.

26. Сарапулкин В.А. Отчёт о раскопках селища-1 у хутора Шпенгарёв в 2010 году // Архив кабинета археологии Белгородского госуниверситета. 35 л.

27. Сарапулкин В.А. Отчёт о раскопках селища-1 у хутора Шпенгарёв в 2009 году // Архив кабинета археологии Белгородского госуниверситета. 43 л.

28. Цетлин Ю.Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2017. – 346 с.

16. Svistun GE. On the question of the building material and architecture of the Saltovo forest-steppe settlements of the Seversky Donets basin. *Kharkov Archaeological Collection*. Vol. 2; Kharkov: Machulin Publ., 2007: 40-58 (In Russ).

17. Flerov VS. Notes on Khazar bricks, blocks and fortresses. *The Khazar Almanac*. 2015; Vol. 13: 299-336 (In Russ).

18. Afanasyev GE. On Byzantine linear measures in the Mayatskaya fortress. In: Bessudnov A. N., editor. *Verkhnedonsky archaeological collection*. Vol. 5; Lipetsk, 2010: 123-148 (In Russ).

19. Afanasyev GE. On Building Materials and Metrology of Khazar-Alan Fortified Sites in the Don River Basin. *The Volga River Region Archaeology*. 2012; 2(2): 29-49 (In Russ).

20. Afanasyev GE. Alekseyevskoye hillfort as a Saltovo-Mayatskaya culture site. *Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 2015; 239: 339-357 (In Russ).

21. Afanasyev GE. On the self-identification of the Khazar Khaganate in the 9th century (based on data of the defence system). *Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 2015; 238: 98-114 (In Russ).

22. Aksenov VS. Starosaltovsky catacomb burial ground. *Vita Antiqua*. 1999; 2: 137-149 (In Russ).

23. Aksenov VS. Rubezhansky catacomb burial ground of the Saltovo-Mayatsk culture on the Seversky Donets. *The Don Archaeology*. 2001; 1-2: 62-78 (In Russ).

24. Vinnikov AZ., Afanasyev GE. *Cult complexes of the Mayak settlement. Materials of the excavations of the Soviet-Bulgarian-Hungarian expedition*. Voronezh: Voronezh State University Publ., 1991: 192 (In Russ).

25. Sarapulkin VA. *Ceramics and ceramic production of the forest-steppe variant of the Saltovo-Mayatsk culture*. PhD Thesis. Voronezh, 2003: 285 (In Russ).

26. Sarapulkin VA. Report on the excavations of the settlement-1 at the Shpengarev in 2010. *Archive of the Archeology Cabinet of Belgorod State University*: 35 (In Russ).

27. Sarapulkin VA. Report on the excavations of the settlement-1 at the Shpengarev in 2009. *Archive of the Archeology Cabinet of Belgorod State University*: 43 (In Russ).

28. Tsetlin YB. *Ceramics. Concepts and Denitions of the Historical-and-Cultural Approach*. Moscow: IA RAS, 2017: 346 (In Russ).

Поступила в редакцию 02.07.2022

Принята в печать 09.08.2022

Опубликована 25.12.2022

Resieved 02.07.2022

Accepted 09.08.2022

Published 25.12.2022